WINNER OF THE HUGO AWARD

JAMES

BLISH

THE DAY AFTER JUDGMENT

ARMAGEDDON IS HERE. THE WORLD IS ENDING.
BUT THE BIRTH OF SATAN IS JUST BEGINNING.

WITH AN AFTERWORD BY DAVID G. HARTWELL

День после Светопреставления
Джеймс Блиш

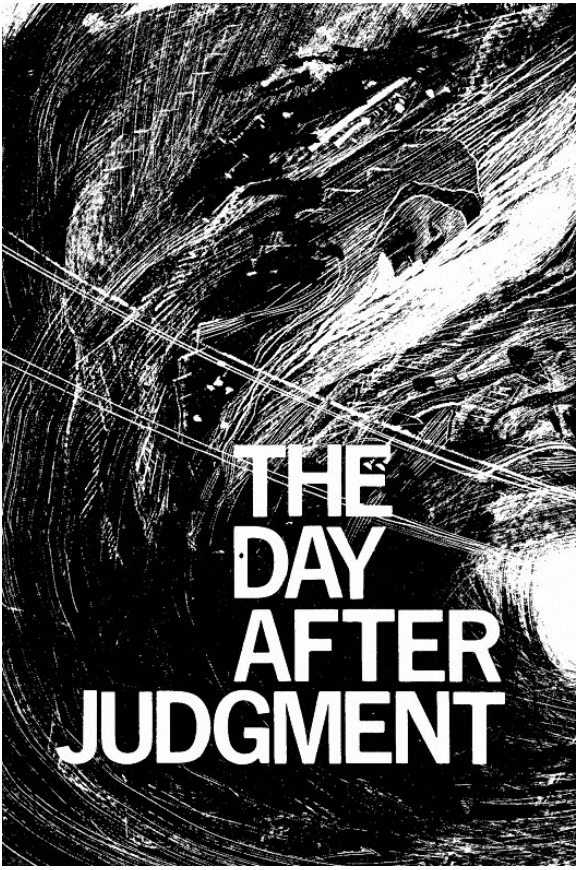
Аннотация
Джеймс Блиш. День после Светопреставления
1
2
3
4
5

Аннотация

Роман, 1970 год; цикл «После знания»

Джеймс Блиш

День после Светопреставления


THE
DAY
AFTER
JUDGMENT

Л. Спрэг де Кэмпу посвящается

1

Падение Бога поставило Уэра в весьма незавидное положение, хотя и едва ли одного его. Но он сам послужил тому причиной — если столь глобальное событие вообще может иметь какую-нибудь причину, кроме первой. И как черный маг он слишком хорошо знал победителя, чтобы ожидать от него благодарности.

С другой стороны, также не имело никакого смысла утверждать, что он напустил на мир сорок восемь демонов высокого ранга только по заказу клиента. Ад был несгораемой Александрийской библиотекой таких уловок — и, кроме того, если бы даже У эр имел идеальное оправдание, все равно нигде уже не осталось правосудия. Судья умер.

— Когда же он, черт возьми, вернется? — раздраженно спросил Бэйнс, клиент. — Скорее бы уж покончить с этим. Ожидание хуже всего.

Отец Доменико отвернулся от окна, которое было разбито ударной волной после взрыва термоядерной бомбы в Риме. До сих пор монах смотрел на оплавившиеся дома и лавки бывшего

Позитано, который теперь оказался на дне отступившего моря. Если море вернется, это будет рекордное по силе цунами, возможно, даже достигнет стоящего на утесе палаццо Уэра.

— Вы не понимаете, что говорите, мистер Бэйнс, — сказал белый маг. — Теперь ничто не может быть закончено. Мы на пороге вечности.

— Вы знаете, что я имею в виду, — проворчал Бэйнс.

— Разумеется, но на вашем месте я был бы благодарен за передышку… Однако странно, что он не возвращается. Может быть, ему все-таки что-то помешало — или кто-то.

— Он сказал, что Бог умер.

— Да. Но ведь он — отец лжи. Как вы полагаете, доктор Уэр?

Уэр не ответил. Особа, о которой они говорили, являлась, конечно, не самим Сатаной, но его помощником, который откликнулся на зов Уэра — князем по имени Пту Сатанахиа, или Бафомет, Козел Саббата. Что касается вопроса, то Уэр просто не знал, как на него ответить. Было унылое утро дня после Армагеддона, а Козел обещал явиться за всеми четырьмя людьми, оставшимися в лаборатории черного мага, ровно на рассвете — словно подчиняясь условию, которое поставил

Уэр выпускаемым им демонам; однако Бафомет не возвращался.

Бэйнс окинул взглядом разоренную лабораторию:

— Я не понял, что он сделал с Гессом?

— Проглотил, — ответил Уэр. — Вы же видели. Не надо было выходить из круга.

— Но он действительно съел его? Или это было… э-э… символически? Неужели Гесс теперь действительно в Аду?

Уэр не имел ни малейшего желания вмешиваться в дискуссию, которую сразу понял как последнюю жалкую попытку Бэйнса найти рациональный выход из роковой ситуации; однако отец Доменико сказал:

— Существо, называвшее себя Баламутом, сообщило Льюису, что демоны пожирают души. Но едва ли это конец. Вероятно, вскоре нам представится возможность узнать о подобных вещах гораздо больше, чем мы бы хотели.

Он рассеянно стряхнул с себя остатки пыли от распятия. Уэр взглянул на монаха с ироническим изумлением: его Бог умер, его Христос рассеялся, как миф, его душа, очевидно, также проклята, как души Уэра и Бэйнса, — и тем не менее он все еще интересуется полусхоластической болтовней.

Впрочем, Уэр всегда считал, что белая магия привлекала людей только с невысоким интеллектом, не говоря уже о вдохновении.

Но куда же делся Козел?

— Интересно, куда делся мистер Гинзберг? — спросил отец Доменико, словно пародируя мысленный вопрос черного мага. Уэр снова пожал плечами. В последнее время он совсем забыл про секретаря Бэйнса. Правда, Гинзберг изъявлял желание стать учеником, но он хотел обучиться Ars magica в основном для того, чтобы иметь достаточное количество любовниц, и даже при нормальных обстоятельствах его опыт с помощницей Уэра Гретхен, которая на самом деле была суккубом, очевидно, умерил энтузиазм Гинзберга. Во всяком случае, какой прок от такого ученика теперь?

Похоже, Бэйнс, как и Уэр, не ожидал такого вопроса.

— Джек? — переспросил он. — Я послал его укладывать наши вещи.

— Укладывать вещи? — удивился Уэр. — Вы полагаете, что сможете уйти отсюда?

— Я полагаю, что это весьма маловероятно, — спокойно ответил Бэйнс, — но если возможность представится, я не хочу оказаться неподготов-

ленным.

— И куда же вы полагаете направиться, чтобы скрыться от Козла?

Ответа, конечно, не требовалось. Уэр вдруг почувствовал под ногами дрожание паркетного пола. Когда оно усилилось, к нему присоединился слабый, но довольно угрожающий шум в воздухе.

Отец Доменико поспешно бросился к окну, Бэйнс сделал то же. Уэр неохотно последовал за ними.

У горизонта была видна стена вспененной воды, приближавшейся со сверхъестественной медлительностью. Это возвращалась вода Тирренского моря, ушедшая вчера после коринфского землетрясения, которое, вероятно, произошло также не без участия демонов; впрочем, последнее обстоятельство едва ли имело теперь какое-то значение. В любом случае, нарушенное равновесие неумолимо восстанавливалось.

Козел по непонятной причине задерживался… зато цунами не заставило себя ждать.

То, что некогда было комнатой Джека Гинзберга в палаццо, теперь выглядело скорее как кабинет доктора Калигари. Все оконные рамы, все углы, все стены занимали ненормальное положение;

куда бы ни встал Джек, всюду он ощущал себя так, словно попал в какой-то четырехмерный куб — впрочем, грани этого гиперкуба покрылись трещинами, не поддающимися никакому геометрическому описанию. Оконные стекла отсутствовали, с потолка капало; пол покрылся осыпавшейся штукатуркой, битым стеклом и прочим мусором; в туалете беспрерывно шла вода, словно собираясь затопить весь мир. Кровать с сатиновыми простынями была засыпана известкой, и когда он достал из шкафа свои прекрасные костюмы, тщательно выбранные из «Плэйбоя», с них посыпалась пыль, как из грибов-дождевиков.

Одежду пришлось разложить на кровати, хотя она казалась лишь не намного чище, чем остальные доступные плоские поверхности. Он обтер чемодан носовым платком, который затем выбросил в окно, и принялся укладывать вещи, стараясь как можно лучше их встряхивать.

Впрочем, однообразная работа помогла немного успокоиться. Нелегко размышлять об этом безысходном положении, искать другие точки зрения. Неизвестно даже, кого винить. В конце концов, о страстном влечении Бэйнса к разрушительной деятельности Джек знал уже давно и сам

помогал шефу, не считая его безумцем. Такое влечение вообще довольно широко распространено: дайте инженеру кусок динамита, и он во имя прогресса сравняет горы с землей или покроет полстраны бетоном, исключительно ради своего удовольствия. Бэйнс принадлежал к числу таких маньяков, только имел еще много денег, и, в отличие от остальных, он всегда честно признавал, что любит шум и разрушение. И вообще руководство крупных фирм, по крайней мере, в Штатах, состоит сплошь из людей, которые любят свой бизнес и не интересуются больше ничем, кроме кроссвордов или рисунков из цифр.

А Уэр? Что он сделал? Погубил себя своим же искусством, — очевидно, таков единственный способ превратить жизнь в произведение искусства. В отличие от этого идиота Гесса, он знал, как защититься от некоторых неприятных последствий своего фанатизма, хотя, в конце концов, также оказался лишь слепым самоубийцей. Уэр пока жив, а Гесс умер — если его душа не продолжает жить в Аду, — но различие между ними непринципиально. Они принадлежат к одному типу. Уэр не напрашивался на заказ к Бэйнсу; он только надеялся использовать этот заказ, чтобы умножить свои знания; так же, как

Гесс использовал Бэйнса; так Бэйнс использовал Гесса и Уэра, чтобы удовлетворить свои деловые и эстетические потребности; как Уэр и Бэйнс использовали организаторские способности Джека и его увлечение сексом; и сам Джек уже устал использовать их всех.

Они стали вещами друг для друга, иначе и быть не могло в мире, где царят вещи. (Исключение, пожалуй, составляет отец Доменико, чье желание уберечь всех от совершения чего-либо, главным образом, путем выкручивания рук — типичная ограниченная позиция мистиков, которая представляет собой вопиющий анахронизм в современном мире и заведомо неэффективна). И на самом деле едва ли кто-нибудь из них, даже отец Доменико, совершил ошибку. Просто их предали. Все их планы косвенным образом зависели от существования Бога — даже Джеку, который прибыл в Позитано как атеист, пришлось-таки в Него уверовать — ив последний решающий момент оказалось, что Его больше нет. И если кто-то и совершил ошибку, то это, конечно, Гесс.

Джек закрыл чемодан. Послышался какой-то шорох, потом другой, более слабый звук — нечто среднее между тихим покашливанием и кошачьим чиханием. Джек застыл, боясь поше-

велиться: он очень хорошо знал, что означает этот звук. Но игнорировать его не имело смысла, и Джек наконец обернулся.

Как прежде, на пороге стояла девушка, и, как прежде, она выглядела иначе, чем при всех предыдущих встречах. На Джека всегда сильное впечатление производило то, что во всех своих обличьях она сохраняла некоторые общие черты, и все же каждый раз напоминала ему кого-то другого, очень знакомого — он ни разу не смог догадаться, кого именно. Она всегда одновременно играла роли любовницы, рабыни и незнакомки. Уэр иронично называл ее «Гретхен», «Гретой» или «Ритой», и ее можно было вызвать словом «Казотта», но на самом деле она не имела ни имени, ни даже пола, и по очереди служила то суккубом для Джека, то инкубом для какой-то ведьмы на другом конце света. Казалось, такое положение вещей могло бы возмутить Джека, который отличался большой щепетильностью в подобных делах. На самом деле, оно возмущало его… незначительно.

— Ты не радуешься мне, как прежде, — сказала она.

Джек не ответил. На сей раз ему опять явилась стройная блондинка, выше его ростом, с длинны-

ми распущенными волосами. На ней были черное шелковое сари с золотой оторочкой, которое оставляло одну грудь обнаженной, и золотые сандалии, но никаких драгоценностей. Среди всего этого мусора она выглядела удивительно свежей и чистой, словно только что вышла из ванны, прекрасная, чарующая, ужасная и неотразимая.

— Я думал, ты можешь приходить только ночью, — пробормотал он наконец.

— О, те старые правила больше не имеют значения, — ответила она и, словно чтобы доказать свои слова, переступила порог даже без приглашения, тем более троекратного. — И ты уходишь. Мы должны еще раз совершить таинство, прежде чем ты уйдешь, и ты должен в последний раз одарить меня своим семенем. Оно не очень-то сильное, и моя клиентка пока что разочарована. Иди же, коснись меня, войди в меня. Я знаю, ты этого хочешь.

— В такой обстановке? Ты, наверно, сошла с ума.

— Я не могу сойти с ума: у меня нет ничего кроме разума, кем бы я тебе ни казалась. Но я не могу быть ужасно любезной, как ты видел и увидишь опять.

Она взялась за чемодан, который остался неза-

пертым, сняла его с кровати и положила на пол. Похоже, это ей не стоило ни малейших усилий, хотя чемодан казался тяжеловатым даже Джеку. Потом она подняла руку — и вместе с ней открытую заостренную грудь, одним движением распахнула и сбросила сари и легла, обнаженная, на засыпанную известкой кровать, словно живое воплощение сладострастия.

Джек просунул палец под воротник своей рубашки, хотя тот оказался расстегнутым. Не хотеть ее было невозможно, и в то же время Джеку отчаянно хотелось бежать; к тому же Бэйнс ждал его, и у Джека всегда хватало здравого смысла не развлекаться в рабочее время.

— Я думал, ты вместе со своими приятелями поднимаешь Ад, — сказал он сухо.

Девушка внезапно нахмурилась, как в тот момент после их первой ночи, когда она решила, будто он дразнит ее. Ее ногти, словно независимые существа, медленно впивались в ее плоский живот.

— Ты думаешь, что спал с падшим серафимом? — проговорила она. — Я не принадлежу к Чинам, которые ведут войну; я делаю только то, что омерзительно даже проклятым. — Потом, столь же неожиданно, она весело рассмеялась:

— И к тому же я поднимаю не Ад, а Дьявола, потому что Ад я нахожу в себе. Знаешь ту историю Боккаччо?

Джек знал ее. Он знал все истории подобного рода: и его Дьявол, несомненно, поднялся. Пока он еще стоял в нерешительности, послышался отдаленный грохот, почти неуловимый, но почему-то казавшийся необычайно мощным. Девушка повернула голову к окну, также прислушиваясь; потом она снова раздвинула колени и раскинула руки.

— По-моему, тебе лучше поторопиться, — сказала она.

С отчаянным стоном он повалился на колени и уткнулся лицом в ее лоно. Ее гладкие стройные бедра закрыли его уши, но, как он ни прижимался к прохладному податливому телу, шум возвращавшегося моря возрастал.

Так и вверху.

Haeresis est maxima opera maleficarum non credere [35].

Генрих Институтор и Якоб Шпренген. «Молот ведьм».

Неприятель, кем бы он ни был, очевидно, давно уже готовился поразить командный центр «Стратегической Воздушной Команды» под Денвером.

В первые двадцать минут войны враг обрушил сюда целую серию ракет с разделяющимися водородными боеголовками. Город, конечно, просто испарился, и обширное плато, на котором он стоял, теперь представляло собой лишь изборожденный глубокими лощинами остекленевший радиоактивный гранит. Но Центр был хорошо укреплен и располагался более чем в миле от поверхности. Все, кто в нем находился, испытали шок и временно оглохли; некоторые получили переломы и более мелкие травмы, одного контузило; но, в целом, руководители Центра могли бы доложить, что «потери минимальны», если бы было, кому докладывать.

По вопросу об идентификации противника возникли некоторые разногласия. Генерал Д.Уиллис Мак-Найт, знавший о «Желтой опасности» с детства, когда читал «Американ Уикли» в Чикаго, оказывал предпочтение китайцам. Из двух его главных специалистов один, уроженец Праги, доктор Джеймс Шатвье, крестный отец селеновой бомбы, почти с тех же пор видел у себя под кроватью русских.

— О чем тут спорить? — говорил Джоан Белг. Как бывший питомец Кооперации РЭНД, он полагал, что все возможно, но не хотел тратить время

на бессмысленные спекуляции. — Мы всегда можем запросить компьютер: у нас, очевидно, уже достаточно данных. Но не думаю, что это имеет большое значение с тех пор, как мы разделали и русских, и китайцев.

— Нам уже давно известно, что первыми начали китайцы, — заявил генерал Мак-Найт, вытирая пыль с очков носовым платком. Это был невысокого роста худощавый выпускник Военно-Воздушной Академии, — из того класса, который уже не пользовался шпаргалками на экзаменах, — почти лысый в свои сорок восемь лет; без очков он удивительно напоминал рака. — Они сбросили тридцать мегатонн на Формозу, якобы в качестве эксперимента.

— Смотря что считать началом, — возразил Белг. — Такое уже было: ранг двадцать один, уровень четыре — локальная ядерная война. Только китайцев с китайцами.

— Но мы были связаны с ними договором, не так ли? — заметил Шатвье. — Президент Энью сказал в ООН: «Я — формозец».

— Это не имеет никакого значения, — сказал Белг с раздражением. Он считал, и не собирался скрывать свое мнение, что Шатвье хотя и выдающийся физик, но во всех остальных делах

— совершенный олух. Во всяком случае, Белг встречал лучшие головы в кондитерской своего отца. — Эскалация конфликта приняла почти экзистенциальный характер примерно в течение последних восемнадцати часов. Вопрос В том, насколько далеко он зашел. Вполне возможно, что мы имеем лишь уровень шесть, центральную войну — может быть, даже не более чем Ранг тридцать четыре, вынужденная обезоруживающая атака.

— Вы считаете уничтожение Денвера вынужденным? — спросил генерал.

— Возможно. Они могли бы разделаться с Денвером одной боеголовкой, но вместо этого выпустили по нему целую обойму. Значит, они целили в нас, а не в город. Наш ответный удар не мог быть превентивным, поэтому он был рангом ниже, что, как я надеюсь, они заметили.

— Они снесли Вашингтон, — вставил Шатвье, сложив толстые ладони. Когда-то он был худым, но после того, как стал консультантом правительственного уровня, потом разработчиком концепции массированного ответного удара и, наконец, популярной личностью, к его распухшему от мозгов лбу добавилось основательное брюшко, так что теперь он выглядел как

карикатура на германского филолога прошлого столетия. Белг сам имел склонность к полноте, однако, боязнь мочекаменной болезни удерживала его на умеренной диете.

— Удар по Вашингтону, скорее всего, не был направлен против гражданского населения, — сказал Белг. — Правительство противника, естественно, становится целью номер один. Однако, генерал, все произошло так быстро, что едва ли кто из правительства имел шансы достичь убежищ. Теперь вы вполне можете стать президентом того, что еще осталось от Соединенных Штатов, и значит, вы можете вести новую политику.

— Верно, — согласился Мак-Найт. — Верно, верно.

— В таком случае, как только восстановится связь с внешним миром, мы должны выяснить некоторые факты. В частности, достигла ли эскалация максимального уровня: если да, то планета будет необитаемой. В живых останутся лишь те, кто, как мы, находится в укрепленных убежищах, и единственная политика, которая нам понадобится, будет заниматься расчетом количества консервированных бобов.

— По-моему, это слишком пессимистично, —

возразил Шатвье, наконец поднявшись с кресла, в которое его усадили после неудачного падения. Оно было не очень удобным, но компьютерный зал, где они все находились в момент нанесения удара, не предназначался для комфортного отдыха. Шатвье заложил большие пальцы за лацканы своего лишенного знаков отличий пиджака и нахмурился.

— Земля — большая планета, и если мы не сможем заселить ее, наши потомки сделают это.

— Через пять тысяч лет?

— Вы предполагаете, что использовались углеродные бомбы. Такое грязное оружие уже устарело. Вот почему я так настаивал на селеновой цепи распада; все изотопы селена обладают высокой токсичностью, но у них очень короткое время полураспада. Селеновая бомба — самое гуманное оружие.

Шатвье физически не мог ходить, но он начал кое-как переступать с места на место, в очередной раз излагая одну из своих популярных журнальных статей. Белг принялся забавляться своими пальцами с нарочитым безразличием.

— Мне иногда приходит в голову, — продолжал Шатвье, — что открытие ядерного оружия предопределено свыше. Заметьте: естествен-

ный отбор перестал играть существенную роль для человечества, с тех пор как оно установило контроль над окружающим миром и начало заботиться о жизни своих слабых представителей, что дало возможность сохраняться дефектным генам. Поскольку естественный отбор прекратился, осталась единственная форма давления на вид — мутации. Искусственная радиоактивность, в том числе, конечно, и радиоактивные осадки могут явиться ниспосланным свыше путем восстановления эволюции человека… скажем, в направлении некоего высшего существа, которое мы даже не способны себе представить, или даже к некоему унитарному разуму, который будет единым с Богом, как предсказывает Тейяр де Шарден… — В этот момент генерал заметил, чем занимается Белг.

— Факты — вот, что нам нужно, — сказал он. — Тут я согласен с вами, Белг. Но большая часть наших коммуникаций вышла из строя, и, возможно, компьютер тоже получил повреждения. — Он кивнул в сторону инженеров, которые суетились вокруг РАКДОМАКа. — Я, конечно, распорядился, чтобы им занялись.

— Вижу, но нам еще нужно выяснить наиболее важные вопросы. Продолжаются ли еще боевые

действия? Если они закончились или, по крайней мере, приостановились, достаточно ли разумен противник, чтобы не возобновить их? И далее, каковы масштабы внешних разрушений? Для этого нам понадобятся визуальные данные — вероятно, некоторые спутники еще на орбите, но нам не помешали бы и съемки с более близкого расстояния, если сохранилось какое-нибудь местное телевидение.

— И если вы теперь Президент, генерал, готовы ли вы вести переговоры с сохранившимся противником в Советском Союзе и Народной Республике?

— В компьютере должны быть запрограммированы возможные варианты действий в зависимости от той или иной ситуации, — ответил Мак-Найт. — Если машина будет пригодна только для игр, зачем тогда она нам? Или вы опять вводили меня в заблуждение?

— Разумеется, я не вводил вас в заблуждение. Меня не привлекают такие игры, где ставкой служит моя жизнь. Конечно, у нас есть альтернативные проекты, я сам разрабатывал большинство из них, хотя и не занимался программированием. Но никакая программа не способна учесть все факторы. Это дело руководителя. Програм-

мирование на машине возможных вариантов известных сражений, — к примеру, Ватерлоо без геморроя Наполеона или без героизма британских сквайров, — показало, что «предсказанные результаты» могут существенно расходиться с историческими. Компьютеры рациональны, люди нет. Вспомните Энью. Вот почему я задал вам свой вопрос, на который, кстати, вы еще не ответили.

Мак-Найт подобрался и снова надел очки:

— Я готов вести переговоры, — сказал он. — Со всеми. Даже с чинками.

2

Рима больше не существовало, как и Милана. А также Лондона, Парижа, Берлина, Бонна, Тель-Авива, Каира, Эр-Рияда, Стокгольма и многих менее известных городов. Кроме того, согласно данным, полученным со спутников, удлиненные сигарообразные облака радиоактивности вследствие вращения Земли перемещались главным образом в восточном направлении, поражая и союзников и противников. Подобные же облака, сея смерть, двигались из Европейской части СССР на Сибирь и Китай; из Китая — на Японию, Корею и Тайвань. После гибели Токио радиоактивные осадки выпали лишь над частью Тихого океана (очевидно, заразив его обитателей). Гавайи каким-то образом уцелели. Избежала прямого радиоактивного заражения и часть западного побережья Соединенных Штатов.

Это было просто удачей, потому что Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Портленд, Сиэтл, Спокан — все пострадали так же, как и Денвер, Сент-Луис, Миннеаполис, Чикаго, Нью-Орлеан, Кливленд, Детройт и Даллас. При таких обстоятельствах

едва ли не серьезное значение имело то, что Питтсбург, Филадельфия, Нью-Йорк, Сиракузы, Бостон, Торонто, Балтимор, Вашингтон получили прямые попадания, поскольку даже без этих бомб восточная треть континентальных Соединенных Штатов осталась бы совершенно необитаемой в течение по крайней мере пятнадцати лет. В настоящий момент, во всяком случае, там бушевало огромное пламя, и в тех местах, где прежде были города, выявлялись лишь области повышений радиации. Северо-запад находился примерно в таком же состоянии, хотя на Западном побережье вообще упало гораздо меньше ракет. Конечно, небо над всем миром заволокло черным дымом, потому что леса Европы и северной Азии тоже пылали. За этой пеленой смерть продолжала свою неумолимую работу.

Такие данные удалось получить, конечно, лишь благодаря компьютерному анализу. Хотя на спутниках имелись телекамеры, они даже в ясный день не позволяли установить, осталась ли на Земле хотя бы разумная жизнь. Над Африкой, Южной Америкой, Австралией и американским юго-западом небо было чище, но эти регионы не представляли стратегического интереса — как и прежде.

Наземные телекамеры сохранились в основном лишь в тех районах, где, по-видимому, ничего не происходило, хотя улицы городов опустели и немногие попавшие в объектив люди выглядели напуганными. Картины, полученные вблизи мест, подвергшихся бомбардировке, оказались фрагментарными, искаженными различными помехами и малопонятными — бессвязная последовательность образов, как в ранних сюрреалистических фильмах, где невозможно определить, что здесь пытался изобразить режиссер, некую историю или лишь психическое состояние.

Одинокий телеграфный столб, совершенно обгоревший; целый ряд таких столбов, вырванных из земли, но все еще соединенных проводами. Пустыня битого кирпича; посреди стоит железобетонная труба, почти невредимая, только поверхность немного попорчена жаром и песком, который нес ураганный ветер. Здания, все покосившиеся в одну сторону — очевидно, также от ветра. Остатки завода: несколько бывших зданий без крыш, без стен — одни кривые каркасы. Сгоревшие автомобили ровными рядами на стоянке, газохранилище, разбитое и сгоревшее несколько часов назад.

Стена железобетонного здания, без окон, по-

трескавшаяся и немного покосившаяся под действием ударной волны. Когда-то здание было выкрашено в серый или другой темный цвет, но теперь краска облупилась; только в одном месте, где у стены стоял человек, она сохранилась — тень, которую уже никто не отбрасывает.

Тому испарившемуся человеку повезло. Здесь же стоял другой, оказавшийся в более прохладной зоне: очевидно, он посмотрел на вспышку, и его глаза превратились в темные впадины: он стоял, согнув ноги и немного отставив руки от туловища, напоминая пингвина; вместо кожи его обнаженное тело покрывала обуглившаяся корка, из трещин сочились кровь и гной.

Грязная оборванная толпа, мчавшаяся по дороге, заваленной камнями, завывая от ужаса, — хотя камера передавала только изображение: впереди всех — безволосая женщина с охваченной пламенем детской коляской. Человек, которому как будто срезало кожу на спине падавшими стеклами, терпеливо работал деревянной лопатой для снега возле огромной кучи битого кирпича. Судя по всему, здесь стоял большой дом…

Были и другие.

Шатвье произнес длинную фразу по-чешски. Тем не менее ее содержание казалось достаточ-

но ясным. Белг пожал плечами и отвернулся от экрана.

— Довольно жутко, — сказал он. — Однако в целом разрушений меньше, чем можно было ожидать. Очевидно, мы имеем Ранг тридцать четыре — не выше. С другой стороны, похоже, основные военные объекты сохранились. Возможно, тут и есть какой-нибудь стратегический смысл, но я, признаться, его не вижу. Генерал?

— Абсурд, — отозвался Мак-Найт. — Явный абсурд. Никто не разгромлен полностью. И тем не менее боевые действия как будто закончились.

— У меня сложилось такое же впечатление, — согласился Белг. — Кажется, какого-то фактора не достает. Мы можем поставить задачу компьютеру найти аномалию. К счастью, она должна быть крупной, но, поскольку я не могу сказать машине, какого рода аномалию она должна искать, поиск займет много времени.

— Сколько? — спросил Мак-Найт, проводя пальцем за воротом рубашки. — Если чинки начнут опять…

— Примерно через час посла того, как я сформулирую вопрос и Чиф Хэй его запрограммирует; это займет, э-э, скажем, два часа минимум. Но я не думаю, что нам стоит беспокоиться о китайцах:

согласно нашим данным, та первая тайваньская бомба — наибольшая из всех, которые они взрывали, и, похоже, более крупной у них нет. Что касается остальных, то, как вы сейчас сами сказали, все каким-то образом остановилось. Нам очень важно знать, почему.

— Ладно, тогда приступайте.

Вместо двух часов программирование растянулось на четыре. Потом компьютер работал в течение девяноста минут, не выдавая никакого ответа. Чиф Хэй предусмотрительно запретил машине давать ответ «Данные недостаточны», поскольку новые данные приходили со все возрастающей скоростью, по мере того как восстанавливались внешние коммуникации; в результате компьютер резюмировал проблему каждые три-четыре секунды.

Мак-Найт использовал это время для того, чтобы отдать распоряжения о проведении ремонтных работ и оценке имеющихся ресурсов, а затем приступил к поискам — также через компьютер, но с использованием лишь двух процентов его мощности — кого-нибудь из высших руководителей, умудрившихся остаться в живых. Белг подозревал, что Мак-Найт действительно хотел их найти. Он мог быть генералом, но для него

было бы затруднительно занять пост президента, даже при столь резко сократившемся населении и упростившихся экономических и внешнеполитических проблемах. Приказать младшим офицерам, чтобы они приказали сержантам, чтобы те приказали рядовым заменить разбитые флуоресцентные лампы, — это он мог и сам. Но если бы понадобилось привести в полную боевую готовность и запустить ракеты или ввести в стране военное положение — тут он предпочел бы действовать по приказу свыше.

Сам же Белг скорее надеялся, что Мак-Найту не удастся найти персону более высокого ранга. Под руководством Мак-Найта Соединенные Штаты едва ли достигли бы впечатляющих результатов, но, с другой стороны, по-видимому, исключалась и возможность тирании. Кроме того, Мак-Найт очень зависел от своих гражданских советников, что сулило неплохие возможности. Оставалось только как-то избавиться от Шатвье.

Наконец зазвенел звонок компьютера, который стал печатать итоги. Белг начал читать с напряженным вниманием, а после первой страницы — с крайним изумлением. Когда вся бумажная лента вышла из принтера, он оторвал ее и бросил на стол, сказав Чифу Хэю:

— Задай вопрос еще раз.

Хэй вернулся к клавиатуре. Ему хватило десяти минут, чтобы переписать программу. Через две с половиной секунды после того, как он кончил, машина зазвенела, и длинные тонкие металлические пластинки забарабанили по бумаге. Процесс распечатывания всегда напоминал Белгу игру на пианино наоборот, где ноты превращаются в удары по клавишам. Только здесь получались, конечно, не удары по клавишам, а строчки печатного текста. Почти сразу стало ясно, что результат совершенно идентичен предыдущему. Между тем за спиной у Белга уже стоял Шатвье:

— Ну-ка, посмотрим, — сказал чех.

— Пока нечего смотреть.

— Почему же нечего? Идет распечатка, не так ли? И еще одна копия у вас на столе. Необходимо немедленно поставить в известность генерала.

Он взял длинную гармошку бумаги и начал читать. Белг никак не мог этому воспрепятствовать:

— Машина печатает абсурд, и я не хотел бы отвлекать генерала такой чепухой. Вероятно, после бомбардировки что-то испортилось.

Хэй отвернулся от пульта.

— Я ввел тестовую программу сразу после нале-

та, доктор Белг. Компьютер работал нормально.

— Да. Но теперь не работает. Введи еще раз тестовую программу, найди неисправность и сообщи нам, сколько времени потребуется на ремонт. Если окажется, что нельзя доверять компьютеру, мы вообще останемся не у дел.

Хэй взялся за работу. Шатвье закончил чтение:

— Почему это абсурд? — спросил он.

— Совершенно невозможно — вот все, что я могу сказать. Прошло слишком мало времени. Если бы у вас было инженерное образование, вы бы поняли это сами. К тому же тут нет никакого смысла, ни военного, ни политического.

— Предоставим сделать вывод генералу.

Взяв ленту в охапку, Шатвье с торжествующим видом понес ее в кабинет к генералу, словно мальчишка, старающийся наябедничать директору школы о проступке своих товарищей. Белг пришел в ярость не только из-за бессмысленной траты времени; Шатвье вполне мог сказать Мак-Найту, что Белг не хотел докладывать о результатах анализа; но пока машина не исправлена, Белгу оставалось лишь следовать за Шатвье, чтобы объяснить свое поведение. Какого черта он научил чеха читать распечатки? Впрочем, их тесно связывала общая работа, и иного

пути не было. Мак-Найт поначалу с большой подозрительностью относился к обоим. Шатвье прибыл из страны с коммунистическим режимом, и он долго объяснял, что его предок был французом, и его фамилия — лишь транслитерация французского. А Белга служба безопасности перепутала с неким Иоганом Готфридом Юльгом, забытым литератором XIX века, который перевел Арджи Борджи Хан «Садхи Кур», а также «Сказки» и другие произведения русского фольклора, так что Белгу тоже пришлось испытать унижение и признать, что его имя на самом деле еврейский вариант немецкого слова, означающего «бурдюк». Под надзором Мак-Найта оба все еще подозрительнх гражданских специалиста должны были либо сотрудничать, ибо занять не слишком высоко оплачиваемые университетские осты Белг догадывался, что Шатвье такое положение вещей нравится не больше, чем ему самому, но его меньше всего интересовало, что нравится или не нравится Шатвье, черт бы его побрал.

Полученный ответ не представлял собой шедевра анализа. Машина просто распознала аномалии в одном из последних сообщений. Ее интерпретация заставила Белга сделать вывод

о неисправности; в отличие от Шатвье, он имел большой опыт работы с компьютерами в РЭНДе и знал, что если им не дать как следует прогреться или неправильно очистить от предыдущей программы, они могут выдавать совершенно параноидные фантазии.

В переводе с фортрана ответ гласил следующее: Соединенные Штаты подверглись не только ракетному удару, но и вторжению противника. Такое заключение было сделано на основании того, что спутник обнаружил в Мертвой Долине неизвестный объект (который еще вчера там отсутствовал), не являющийся естественным, и по своим размерам, форме и мощности напоминающий огромную крепость.

— Что уже не лезет ни в какие ворота, — добавил Белг после того, как дискуссия в кабинете Мак-Найта о возможности политической подоплеки загадочного феномена закончилась безрезультатно. — В случае воздушного десанта им пришлось бы доставать все материалы здесь. Если бы они приплыли морем, потребовалась бы перевозка грузов в глубь материка. В обоих случаях их действия не могли остаться незамеченными. И со стратегической точки зрения это чистое безумие: постройки типа крепости

утратили свое значение с изобретением артиллерии, а самолеты сделали их бессмысленными. Расположение такого объекта в Мертвой Долине означает, что он господствует над весьма незначительной территорией и должен испытывать большие проблемы со снабжением — с самого начала он оказывается в естественной ловушке. И, наконец, каким образом он вырос за ночь? Я хочу спросить вас, генерал, могли бы мы построить нечто подобное за такое короткое время, даже в мирных условиях и в самом благоприятном месте? Я думаю, не могли бы. А если не могли бы мы, значит, не мог бы никто.

Мак-Найт снял трубку и быстро переговорил с кем-то. Поскольку телефон имел глушитель, Белг не слышал, что говорит генерал, но догадался, куда он звонит.

— Чиф Хэй говорит, что машина в полном порядке и результат анализа идентичен предыдущим, — сообщил Мак-Найт. — Теперь, очевидно, дело за рекогносцировкой (он произнес слово правильно, а на фоне его калифорнийского акцента прозвучало это довольно искусственно). Есть ли такой объект в Мертвой Долине или нет? Поскольку спутник смог обнаружить его, он должен иметь гигантские размеры. Не менее

двадцати трех миль — даже город Сан-Антонио останется незамеченным, если не знаешь, на что смотришь.

Белг знал, что тут Мак-Найт говорит как специалист. До того как его назначили командующим стратегическим центром в Денвере, почти вся его служба была связана с различными аспектами воздушной разведки: даже подростком он участвовал в поисково-спасательных операциях Гражданского Воздушного Патруля, которые в то время особенно часто проводились во время пожаров и селей в районе Лос-Анжелеса.

— Я не сомневаюсь, что спутник обнаружил нечто, — сказал Белг. — Но он «видит», вероятно, лишь область высокой радиации, возможно, также готового излучения, а не оптический объект, тем более конструкцию. Мне кажется, речь идет об одной из разделяющихся боеголовок, которая сбилась с курса или была нацелена неточно с самого начала.

— Вполне вероятно, — согласился Мак-Найт. — Но к чему гадать? Очевидно, первым делом надо послать туда пикирующий бомбардировщик и получить фотографии и пентаграммы с малого расстояния. Примитивность сооружения, на что вы обратили внимание, похоже, указывает на

китайцев, а у них нет радаров для малой высоты. С другой стороны, если самолет будет обстрелян, мы также получим кое-какие данные о противнике.

Белг вздохнул про себя. Пытаться сбить МакНайта с его навязчивой идеи — напрасный труд. Но, может быть, в данном случае она не принесет вреда; во всяком случае, предложение весьма разумное.

— Хорошо, — сказал он. — Один самолет — небольшая ставка. У нас еще останется, что проигрывать.

3

Самолет никто не атаковал, однако не все прошло гладко. Ни фотограф, ни механик, занятые своими приборами, почти не увидели цели, и пилот по той же причине видел не многим больше.

— Адская качка, — сообщил он на опросе после полета, происходившем за тысячу миль от Мертвой Долины, под Денвером. — А в районе объекта сильный восходящий поток, как было в Нью-Йорке, только похуже.

Но штурман, выполнив свою работу, от нечего делать посмотрел в иллюминатор и впал в шоковое состояние. Это был смуглый молодой парень из Чикаго, который выглядел так, будто его взяли в армию прямо из мафиозной семьи, но теперь он не мог сказать ничего кроме одной фразы, которая никак не шла дальше первого слога: «Дис… Дис…» Позднее он оправился от шока и смог рассказать об увиденном. Но пока что от него было мало толку.

Однако фотографии оказались достаточно четкими, кроме инфракрасных, которые не дали практически никакой информации. Сооружение имело форму правильного кольца, окруженного

рвом, который — что казалось немыслимым в Мертвой Долине — был наполнен, хотя и черной, но, по-видимому, настоящей водой. От воды шел пар, тут же рассеиваясь в совершенно сухом воздухе. Сама конструкция представляла собой широкую стену, окружавшую участок земли добрых пятнадцати миль диаметром. Стена регулярно прерывалась башнями и другими постройками, — некоторые из них напоминали мечети. Все это ярко сияло, словно состояло из раскаленного докрасна железа, и спектрограф показал, что именно так оно и есть.

За стеной, как в лунном кратере, шли ряды террас. Первую, расположенную на уровне земли, усеивали небольшие прямоугольные предметы, которые, судя по данным спектографа, также состояли из раскаленного железа. Следующую террасу окаймляло нечто вроде еще одного рва, кроваво-красного и широкого, как река. За ней — что казалось еще более странным — начиналось кольцо густого леса такой же ширины, как река, переходившего далее в кольцо песков.

В лунном кратере здесь начинались бы предгорья центрального пика. Но на снимках вместо этого в центре сооружения зияла колоссальная черная дыра. Река прорезала с одной стороны лес

и песчаную пустыню и огромным водопадом низвергалась прямо в дыру; здесь тьма смешивалась с туманом, и видимость сводилась к нулю.

— Что вы там говорили о постройке крепости за одну ночь, Белг? — мрачно усмехнулся генерал. — Никакая человеческая сила не способна сделать это!

— Никакая человеческая сила тут не действовала, — глухо проговорил Шатвье. Он обернулся к адъютанту, который принес фотографии, совсем молодому полковнику с коротко остриженными светло-русыми волосами, белым лицом и дрожавшими руками:

— Есть какие-нибудь крупные планы?

— Да, доктор. На самолете установлена автоматическая камера, которая снимала непрерывно. Вот один из лучших снимков.

Снимок, действительно, был превосходный. Нечто вроде высоких ворот замка в лучшем средневековом стиле. На стенах толпятся сотни темных фигур, три из которых, стоящие над самими воротами, смотрят вверх на самолет и видны с поразительной ясностью. Это гигантские обнаженные женщины с растрепанными, толстыми, как веревки, волосами и вытаращенными в безумной ярости глазами.

— Я так я думал, — кивнул Шатвье.

— Вы знаете их? — удивленно спросил Белг.

— Нет, но я знаю их имена: Алекто, Мегера и Тисифона.

— Хорошо, что среди нас есть, по крайней мере, один человек с европейским образованием. Я полагаю, наш расстроенный друг, штурман, — католик. Или был им. Во всяком случае, он совершенно прав: это Дис, крепость, окружающая Нижний Ад. А отсюда, очевидно, следует, что остальная часть Земли теперь является Верхним Адом, не только в переносном, но и в буквальном смысле.

— Очень интересно, — язвительно заметил Белг. — Неплохо будет, если хотя бы один из нас не потеряет головы. Меньше всего нам теперь нужно впадать в предрассудки.

— Если увеличить фотографию, я думаю, будет видно, что на головах у этих женщин на самом деле не волосы, а живые змеи. Не так ли, полковник?

— Э-э… доктор… похоже на то.

— Конечно. Это Фурии, которые стерегут врата Диса. Они — хранительницы Медузы Горгоны, которой, слава Богу, нет на снимке. Ров — не что иное, как Стикс: на первой внутренней террасе

находятся горящие гробницы Ересиархов, а на следующей мы имеем реку Флегетон, Лес Самоубийц и Проклятый Песок — на него должен постоянно падать огненный дождь, но, я думаю, он не виден при солнечном свете. Мы также не можем видеть того, что расположено внизу, но вероятно, и там все точно соответствует описанию Данте. Толпа на башне над подъемным мостом состоит из демонов, не так ли, полковник?

— Сэр, мы не можем сказать, кем они являются. Мы предполагали, что они пришельцы с Марса или еще откуда-нибудь. Но у них у всех различная внешность.

Белг почувствовал, как по спине побежали мурашки.

— Я отказываюсь верить в эту галиматью, — заявил он. — Шатвье просто интерпретировал факты, основываясь на своем бессмысленном «образовании». Даже марсиане кажутся меньшим абсурдом.

— Что известно об этом Данте? — осведомился Мак-Найт.

— Итальянский поэт тринадцатого века…

— Начала четырнадцатого, — поправил Шатвье. — И не просто поэт. У него было видение Ада и Небес, благодаря чему он создал величайшую из

когда-либо написанных поэм — «Божественную Комедию». Все, что мы видели на этих снимках, точно соответствует ее восьмой и девятой песням.

— Белг, постарайтесь найти экземпляр этой книги и заложите в компьютер, — распорядился Мак-Найт. — Сначала мы должны установить, действительно ли соответствие так точно. А потом уже можно будет думать о его значении.

— Компьютер, наверно, уже содержит ее в своей памяти, — сказал Белг. — Вся библиотека Конгресса и наша записаны на микрофильмах, — для самих книг у нас здесь не хватило места. Достаточно будет сказать Чифу Хэю, чтобы он включил в решаемую проблему новую информацию. Но я по-прежнему считаю это абсурдом.

— Нам нужно мнение компьютера, — заявил генерал. — Ваше, как оказалось, не так уж надежно.

— И еще одно, — добавил Шатвье, быть может, с несколько меньшим самодовольством, чем ожидал Белг. — Пусть Чиф Хэй включит в проблему все, что имеется в библиотеке о демонологии. Возможно, это нам понадобится.

Пожав плечами, Белг покинул кабинет: в компании сумасшедших… нормальным не оста-

нешься.

Всего несколько секунд потребовалось компьютеру, чтобы дать ответ:

«Древние тексты и произведения художественной литературы, привлеченные к решению проблемы, противоречат друг другу. Однако новые фактические данные точно соответствует некоторым из них, и приблизительно — большинству. Предположение о том, что сооружение в Мертвой Долине создано русскими, китайцами или какими-нибудь другими людьми, имеет наименьший уровень вероятности и может быть исключено из рассмотрения. Межпланетная гипотеза немного более вероятна. Вторжению с Венеры соответствуют некоторые фактические данные, такие, как огромная жара и наличие аномальных форм жизни, однако данная гипотеза не совместима с большинством архитектурных и других исторических деталей, а также с указанным уровнем технологии. Вероятность того, что сооружение в Мертвой Долине есть город Дис и что его внутренняя область является Нижним Адом, равна 0,9 при уровне значимости в 5 процентов, и, таким образом, эта гипотеза должна быть принята. Отсюда первое следствие: вероятность того, что только что закончившаяся война

представляла собой Армагеддон, равна 0,9 при том же уровне значимости. Второе следствие — вероятность того, что силы Бога потерпели поражение в этой войне и что поверхность земли слилась с Верхним Адом, равна 0,999 при том же уровне значимости.»

— Ну что ж, это значительно проясняет ситуацию, — сказал Мак-Найт.

— Но, черт возьми! — такого просто не может быть! — воскликнул Белг в отчаянии. — Ладно, допустим, компьютер работает нормально, но ведь у него нет разума. Теперь он выдает только естественные следствия введенных в него средневековых суеверий.

Мак-Найт уставил свои рачьи глаза на Белга:

— Вы видели снимки. Они получены не из компьютера, не так ли? И не из старинных книг. Я думаю, нам лучше не лезть на рожон и решить, что делать дальше. Мы еще должны думать о Соединенных Штатах. Доктор Шатвье, у вас есть предложения? Это был плохой знак. Мак-Найт использовал почтительное обращение к одному из них только для того, чтобы показать свое нерасположение к другому, — хотя Белг и так уже не сомневался в своей опале.

— Я все еще в большом сомнении, — скромно

начал Шатвье. — Прежде всего, если произошел Армагеддон, нас всех должны были призвать на суд; и в пророчестве явно ничего не говорится о победивших демонах, разбивающих лагерь на поверхности Земли. Если компьютер во всем прав, тогда либо Бог умер, как сказал Ницше, либо, как иногда острят, Он жив, но не хочет вмешиваться. В любом случае, я думаю, нам лучше не привлекать к себе внимание. Мы ничего не можем сделать со сверхъестественными силами; и если Он еще жив, битва, возможно, еще не кончилась. Здесь, я надеюсь, мы в относительной безопасности, и нам не стоит лезть в самое пекло.

— Вот тут вы заблуждаетесь, — энергично возразил Белг. — Представим на минуту, что эта фантазия отражает истинное положение вещей, — иными словами, что демоны оказались реальными и находятся в Мертвой Долине.

— Я не знаю, что можно считать «реальным» в данном контексте, — заметил Шатвье. — Их, конечно, можно видеть, но они, определенно, не принадлежат к тому же порядку реальности…

— Этот вопрос мы не можем сейчас обсуждать, — перебил Белг. Он очень хорошо знал, что вопрос, который поднял Шатвье, достаточно серьезен, Белг и сам был радикальным позити-

вистом. Но такие разговоры могли лишь сбить с толку Мак-Найта, а дело требовало сохранения определенности независимо от того, имело ли оно само какую-либо определенность или нет. — Видите ли, если демоны реальны, тогда они занимают пространство — время в реальной Вселенной. А это означает, что они существуют в некой энергетической системе Вселенной. Пусть они гуляют по раскаленному докрасна железу и живут с удобством в Мертвой Долине; это не более сверхъестественно, чем обитание бактерий в кипящих водах вулканических источников. Тут речь идет всего лишь о приспособлении. Но тогда мы можем узнать, что представляет собой энергетическая система демонов. Мы можем проанализировать ее работу, а после этого — атаковать их.

— Может быть, — кивнул Мак-Найт.

— Прошу прощения, — сказал Шатвье. — Но я думаю, мы должны действовать чрезвычайно осторожно. Тот, кто не воспитан в этой традиции, не представляет себе всех возможных опасностей. Я сам уже плохо помню…

— К черту ваше воспитание, — огрызнулся Белг. Но он и сам мог кое-что припомнить: безграничное гетто вдоль Нострaнд Авеню; бородатые

хасиды в меховых шапках и длинных одеяниях, гуляющие парами под облетающими вязами Гранд Сентрал Паркуэй; страх перед бандами подростков в темных тоннелях; бесконечные казуистические споры о мифах Талмуда и Мидрашима в душной шуле; женщины с двойными блюдами, спешившие подкормить своих нерадивых школяров; запах кошера, почти зловоние, по сравнению со всеми остальными американскими запахами; мать, грезившая тем, что Ханксли по милости Божьей также суждено стать святым человеком; и когда вместо этого он открыл для себя радости и печали земного мира, убежав от меховых шапок, запаха фаршированной рыбы и изнуренных любящих женщин, — страх перед гневом завистливого Бога. Но все это было много лет назад, и больше уже не вернется: он не допустит.

— О чем вы говорите? — осведомился МакНайт. — Будем ли мы что-нибудь делать или нет и, если будем, что именно? Переходите к делу.

— С моей точки зрения, — сказал Шатвье, — если вся демонология действительно имеет место или, иными словами, истинна, тогда истинны и христианские мифы, хотя не все точно соответствует предсказанию. А отсюда следует, что

существует такая вещь, как бессмертная душа, или, может быть, следует сказать, что мы имеем бессмертную душу и должны принять ее к сведению, прежде чем совершать поспешные действия.

Похоже, забрезжил какой-то свет. Белг почувствовал большое облегчение. Христианские мифы не имели к нему отношения, по крайней мере, прямого. И если они рассматривались лишь как правила некой игры, он ничего не имел против.

— Но в таком случае, — возразил он, — я не думаю, что у нас есть возможность остаться посередине. Правила игры требуют, чтобы мы встали на ту или иную сторону.

— Вот это правильно, черт побери, — оживился Мак-Найт. — И, в конце концов, наше дело правое. Не мы начали войну, а чинки.

— Именно так, — подтвердил Белг. — Нас вынудили к самообороне. И я полагаю, сейчас не время думать о том, что с нами произойдет в загробной жизни, о которой мы не имеем сведений, — пока мы еще живем здесь, рано считать, будто все кончено. Может быть, эта война и метафизическая. Но мы по-прежнему живем в некой физической Вселенной. Рациональная Вселенная

расширилась, но не исчезла. Так давайте узнаем о ней больше.

— Хорошо, — сказал Мак-Найт. — Но как? Я спрашиваю и не могу добиться от вас ничего, кроме философских рассуждений. Какие действия вы предлагаете?

— У нас еще остались ракеты?

— Вероятно, около дюжины пяти- и десятимегатонных и, конечно, старушка Момби.

— Белг, вы сошли с ума, неужели вы хотите предложить?..

— Подождите минутку, дайте мне подумать…

«Старушка Момби» представляла собой комплексный носитель с пятью стомегатонными боеголовками, каждая из которых могла сделать непригодной для жизни даже Луну. Такое оружие в настоящей ситуации конечно, не требовалось. Лучше придержать ее в резерве.

— Я думаю, мы должны провести одну небольшую акцию в Мертвой Долине. Вреда от этого будет, скорее всего, немного, а то и вовсе никакого, но мы получим кое-какую информацию. Когда облако поднимется, можно будет определить радиологические, химические и прочие характеристики объекта, а остальное уже дело компьютера. Эти демоны вторглись в реальный

мир, и если мы можем их видеть и фотографировать, значит, теперь они обладают некоторыми из его свойств. Посмотрим, как они поведут себя, когда их припечет посильнее, чем раскаленным железом. Даже если они только немного вспотеют, мы сможем проанализировать и это!

— А что если они определят, откуда запущена ракета? — спросил Шатвье, но по выражению его лица Белг понял, что у чеха уже не осталось других аргументов.

— Тогда, наверное, нам конец. Но взгляните на их крепость. Едва ли они имели дело с настоящими боевыми действиями за последние шесть веков. Конечно, они обладают различными сверхъестественными силами, но им еще много предстоит узнать о естественных! Может быть, они еще до сих пор не встречали достойного противника, — и если Армагеддон еще не закончился, небольшое выступление на стороне нашего Создателя нам не помешает. Если Он еще с нами и всерьез заинтересован в победе, бездействие с нашей стороны принесет нам неприятности в дальнейшем, разумеется, если Он, в конце концов, победит. А если Его больше нет с нами, тогда мы должны, как говорится, помочь себе сами.

— Приступайте, — сказал генерал.

Белг кивнул и вышел из кабинета, отправившись на поиски Чифа Хэя. Он чувствовал, что в основном сумел восстановить свой престиж.

4

Позитано смыло гигантской волной, однако остатки палаццо Уэра все еще стояли на вершине утеса, словно древнеримские развалины.

В бывшей трапезной обвалился потолок, и розовая штукатурка разбила посуду У эра и засыпала диаграммы, оставшиеся после последнего обряда. Сверху еще продолжали сыпаться черепки и прочий мусор, поднимая облака едкой пыли навстречу теплому апрельскому радиоактивному дождю.

Уэр сидел на остатках алтаря среди разрушенных стен. Он испытывал очень сложные чувства, которые не мог бы объяснить даже самому себе. После стольких лет обучения суровой, не допускающей эмоций ритуальной магии казалось странным, что он способен вообще иметь какие-то чувства, кроме жажды знания. Теперь ему приходилось вновь познавать забытые ощущения, потому что его книга знаний, ради которой он продал душу, оказалась погребенной под тоннами грязи.

В некотором смысле он теперь стал свободным.

После того как шок от удара цунами прошел и падали лишь отдельные куски штукатурки, Уэр, выбравшись из груды мусора, сразу направился к двери и вышел на лестницу, которая вела вниз в спальню. Но уже ниже третьей ступени всю лестницу заполняла вязкая грязь, морщившаяся и оседавшая по мере того, как из нее выходила вода. Книга Уэра осталась где-то внизу, и ей предстояло через много веков превратиться в окаменелость. «Ну и что, — думал он, — жизнь еще не кончилась. Разве нельзя начать все сначала?» Теперь вновь, все, что оказалось ложным, стерто, все мертвые знаки могут быть отвергнуты или возрождены. Немногим людям дано пройти через такое очищающее испытание, как полный крах всех замыслов.

Но потом он понял, что это тоже иллюзия. Он не освободился от прошлого, которое неумолимо диктовало свою волю. В любой момент мог явиться Козел Саббата. Уэр закрыл дверь на лестницу и, задумчиво дуя в белые усы, вернулся в лабораторию.

Отец Доменико уже устал — нельзя сказать определенно, что он потерял терпение — и от ожидания, и от бесплодных дискуссий о том, когда они придут и придут ли вообще, и он решил

попытаться дойти до Монте Альбано и посмотреть, что осталось от школы белых магов. Бэйнс по-прежнему сидел в лаборатории, пытаясь узнать какие-нибудь новости с помощью маленького транзисторного приемника, который он так жадно слушал вчера, когда начали приходить сообщения о первых драматических последствиях Черной Пасхи, устроенной по его заказу Уэром. Однако теперь Бэйнс мог слышать лишь атмосферные помехи и изредка отдаленные голоса, говорившие на неведомых языках.

Здесь же находился и Гинзберг, как обычно, аккуратно одетый и потому выглядевший наименее пострадавшим из всех троих. Когда вошел Уэр, Бэйнс сунул приемник своему секретарю и направился к магу, проклиная попадавший под ноги мусор.

— Нашли что-нибудь?

— Кажется, я не лишился памяти, — ответил Уэр. — Несомненно, я еще способен заниматься магией, если достану из-под этого мусора свои инструменты. Другое дело, могу ли я работать. Условия резко изменились, и я даже не представляю себе, в какой степени.

— Ну, вы могли бы, по крайней мере, вызвать какого-нибудь демона и попытаться получить от

него информацию. Похоже, больше спрашивать не у кого.

— Я вижу, мне придется говорить прямо. В настоящий момент я совершенно лишен возможности совершать магические действия, доктор Бэйнс. Очевидно, вы опять упускаете суть проблемы. Условия, на которых я вызывал демонов, утратили силу — я больше не могу ничего сделать для них; они теперь, очевидно, сами владеют большей частью мира. Если я попытаюсь вызвать их в такой ситуации, вероятно, ни один из них не ответит — и это, возможно, даже будет к лучшему, потому что я уже не в силах их контролировать. Они состоят почти из одной ненависти ко всем не-Павшим и всем, кто еще может быть спасен; но больше всего они ненавидят бесполезные орудия.

— Мне кажется, даже теперь мы все не так уже бесполезны, — сказал Бэйнс. — Вы говорите, что демоны овладели большей частью мира, но также очевидно, что они пока не овладеют им всем. Иначе Козел вернулся бы, как обещал, и мы были бы в Аду.

— Ад состоит из многих кругов. Вероятно, мы уже находимся на пороге первого — в Преддверии Бесполезности.

— Мы были бы гораздо глубже, если бы демоны контролировали ситуацию или если бы суд над нами уже закончился.

— Тут вы, несомненно, правы, — согласился Уэр, немного удивленный. — Но, в конце концов, им некуда торопиться. В прошлом мы могли бы спастись, покаявшись в последнюю минуту. Но теперь Бога нет и обращаться не к кому. Они заберут нас, когда захотят.

— Здесь я склонен согласиться с отцом Доменико. Мы не знаем этого наверняка: нам просто сказал Козел. Я признаю, что другие факты как будто говорят о том же; но все-таки он мог и наврать.

Уэр задумался. Дело тут, конечно, не во внешних обстоятельствах; они, несомненно, ужасны: ни один человек не способен справиться с ними, — и все-таки не выходят за пределы человеческого воображения. Это более или менее предсказуемые последствия Третьей мировой войны, которую Бэйнс сам активно подготавливал, до того как стал проявлять интерес к черной магии. С теологической точки зрения тут также нет ничего необычного: новая, но не существенно измененная версия Проблемы Зла, древнего вопроса о том, почему добрый и милосердный

Господь допускает столько страданий невинных. Значения параметров немного изменились, но фундаментальное уравнение осталось прежним.

Тем не менее торговец оружием совершенно прав — так же, как и отец Доменико, — в том, что у них пока нет достоверной информации по самому важному вопросу.

— Мне бы не хотелось питать на этот счет какие-то иллюзии, — медленно проговорил Уэр. — Но с другой стороны, как известно, разочарование в Боге — тяжелейший грех. Что вы имеете в виду конкретно?

— Конкретного — пока ничего. Но допустим на минуту, что демоны еще не получили полную свободу действий — я, конечно, понятия не имею, чем она может быть ограничена — и что, следовательно, битва еще не завершена. В таком случае они могли бы воспользоваться чьей-нибудь помощью. Суда по тому, как много им уже удалось, в конце концов, они, скорее всего, победят, — и по своему опыту я знаю, что лучше всего оказаться на стороне победителей.

— Легкомысленно считать, будто триумф зла может принести кому-то выгоду. Зло просто бессмысленно, если ему не противостоит добро. Вы намереваетесь совершить последний шаг

от Бога — это даже хуже, чем манихейство, это уже чистый сатанизм. Я общался с демонами, но никогда не поклонялся им и не хочу теперь начинать. Кроме того…

Внезапно из радиоприемника послышался резкий пронзительный звук, затем последовала немецкая речь. Уэр слышал голос достаточно хорошо, чтобы уловить сильный швейцарский акцент, но недостаточно хорошо, чтобы понять смысл. Он и Бэйнс сделали шаг к Гинзбергу, который слушал с напряженным вниманием и сделал им знак не двигаться.

Речь была прервана еще одним пронзительным звуком, после чего возобновились щелчки, треск и шум, словно от водопада.

— Это было «Радио Цюрих», — сказал Гинзберг. — В Штатах произошел взрыв водородной бомбы, в Мертвой Долине. То ли возобновилась война, то ли какая-то боеголовка взорвалась с запозданием.

— Хмм, — пробормотал Бэйнс. — Лучше уж второе, чем первое… хотя, если подумать, тут могут быть некоторые основания для оптимизма. Но пусть выскажется доктор Уэр, вы не закончили?

— Я хотел добавить лишь одно: в данной ситуации практически невозможно оказать помощь

демонам. Они подняли оружие против всех, живущих на Земле, и мы не в состоянии помочь им перенести их войну на Небеса, если от Неба вообще что-нибудь осталось. Кое-кто из школы отца Доменико, вероятно, сумел бы проникнуть в аристотелевы сферы, — в чем я сомневаюсь, — но у меня это точно не получится.

— Последний взрыв наводит на мысль, что кто-то еще сражается, — заметил Бэйнс. — Если, конечно, это не какой-нибудь случайный взрыв. Мне кажется, что там действует Стратегическая Воздушная команда, вероятно, они обнаружили настоящего врага. У них есть под Денвером лучший в мире центр машинной обработки данных, и, кроме того, у Мак-Найта первоклассные помощники, в том числе и сам Джеймс Шатвье, и человек из РЭНДа, которого я пытался переманить к себе.

— Я пока не понимаю, причем здесь мы.

— Мы с Мак-Найтом хорошо знаем друг друга. Ом помог мне получить кое-какие заказы в министерстве обороны, и я собирался сделать его президентом «Консолидейтед Варфэр Сервис», о чем ему хорошо известно. Он прекрасно разбирается в своей области воздушной разведки, но иногда бывает чересчур прямолинеен. Если он

бомбит демонов, я, вероятно, мог бы убедить его прекратить это.

— Возможно, — проговорил Уэр. — Но как вы доберетесь туда?

— «Радио Цюрих» еще действует. Значит, скорее всего, действует и их аэропорт. Джек может вести самолет, если понадобится, но, вероятно, в этом не будет необходимости: у нас есть большой офис в Цюрихе — фактически наша главная штаб-квартира, и я имею доступ к двум счетам в швейцарском банке, моему собственному и компании.

Мне лучше воспользоваться этими деньгами, пока какой-нибудь ловкач не сообразит занять хранилище с двадцатью тысячами ящиков консервированных бобов для своей семьи.

«Пожалуй, его план не лишен достоинств», — подумал маг. По крайней мере, можно будет избавиться, хотя бы временно, от Бэйнса, общество которого уже начало утомлять Уэра, а также от Джека Гинзберга, вызывавшего у Уэра отвращение. Тогда, конечно, рядом с ним не окажется ни одной живой души, если Козел все-таки явится сюда: однако это волновало Уэра меньше всего; за многие годы он прекрасно усвоил, что в момент решающей схватки каждый человек остается в

одиночестве, особенно маг.

Может, в глубине души он уже думал, что в конце концов сделает последний шаг к сатанизму, но, по крайней мере пока успешно подавлял подобные мысли. Сам он еще ничего не решил, только согласился с тем, чтобы Бэйнс и Гинзберг отправились к человеку, которого он не знал, и посоветовали ему не совершать действий, не имевших уже никакого значения…

После их ухода он, очевидно, сможет все как следует обдумать. У него оставалась еще крохотная надежда, несомненно, тщетная; но теперь он хотел уделить ей больше внимания. Если действовать правильно, можно еще смешаться со множеством тех ангелов, которые не участвовали в мятеже, но и не остались верными Богу и о которых сказано, что «пропасть Ада их не принимает, иначе возгордилась бы вина».

5

Отец Доменико ощутил пробуждение надежды, когда, к своему удивлению, обнаружил, что Монте Альбано нисколько не пострадало. Как прежде, высились стены, возведенные в XI веке И затем перестроенные после землетрясения аббатом Джорджио, который впоследствии стал Папой Иоганном Двенадцатым; и как прежде, попасть в монастырь можно было лишь на муле, на поиски которого отец Доменико затратил больше времени, чем на весь путь от Позитано. Однако в конце концов ему это удалось, и он вновь оказался в прохладных стенах библиотеки со своими собратьями, белыми монахами.

Здесь находились почти все те маги, которые встретились зимой, чтобы попытаться воспрепятствовать осуществлению намерений Терона Уэра и его клиента: отец Ампаро, отец Умберто (настоятель) и все остальные монахи ордена, а также отец Учелло, отец Бушер, отец Ванче, отец Ансон, отец Селани и отец Ателинг. По-видимому, гости продолжали оставаться в монастыре после зимнего собрания. Отец Розенблюм скончался;

его место занял бывший ученик отца Доменико Джоаннес, который, несмотря на свои семнадцать лет, выглядел теперь уже совершенно взрослым. Конечно, они очень нуждались в помощи, и отец Доменико без ложной скромности мог сказать, что Джоаннес хорошо обучен.

После торжественной и радостной церемонии встречи выяснилось, что дискуссия — как можно было ожидать, — продолжалась уже несколько часов и представляла собой лишь другую версию дискуссии, проходившей в Позитано: каким образом Монте Альбано уцелело в мировой катастрофе и что это означает? Но к такому варианту дискуссии отец Доменико присоединился с гораздо большей охотой.

И, очевидно, он мог придать ей некое новое направление; поскольку их Видящий, монах-отшельник отец Учелло, в значительной степени утратил свой дар из-за близости такого большого количества умов; белые монахи имели лишь самое общее представление о том, что происходило в палаццо Уэра, а дополнительные мирские новости не отличались достоверностью. Отец Доменико вкратце рассказал о последнем заклинании; однако его коллеги уже в достаточной степени представляли себе всю серьезность

ситуации, и рассказ сопровождался лишь незначительным количеством возгласов ужаса.

— Всего, — заключил он, — в результате этой церемонии было выпущено из Преисподней сорок восемь демонов, и У эр приказал им вернуться на рассвете. Когда стало очевидно, что дело совершенно вышло из-под контроля, я на основании Соглашения потребовал от Уэра вызвать их раньше назначенного срока; он согласился и попытался вызвать Люцифуге Рофокале; но на зов явился сам Пут Сатанахиа. Когда я попытался изгнать это отвратительное чудовище, распятие взорвалось в моей руке, и тогда монстр объявил нам, что Бог умер и силы Ада одержали окончательную победу. Козел обещал вернуться на рассвете за всеми нами — за всеми, кроме второго помощника Бэйнса, доктора Гесса, которого Бафомет проглотил, когда тот поддался панике и покинул круг. Однако Козел не вернулся, и я покинул палаццо и поспешил в Монте Альбано.

— Помните ли вы имена и титулы всех сорока восьми? — спросил отец Ателинг, голос которого дрожал от дурных предчувствий больше обычного.

— Думаю, что да, то есть мог бы вспомнить; ведь я видел их всех своими глазами, а такое зрелище

нелегко изглаживается из памяти. Во всяком случае, если бы я пропустил некоторых, — что маловероятно, — их можно было бы выявить под гипнозом. Но позвольте спросить, отец Ателинг, какое это имеет значение?

— Просто всегда полезно знать природу и количество сил врага.

— Но не после того, как он уже опустошил страну, — возразил отец Ансон. — Если битва и война уже проиграны, нам придется бороться со всеми — не только с семьюдесятью двумя князьями, но и с остальными падшими ангелами. Это будет ближе к семи с половиной миллионам, чем к сорока восьми.

— Семь миллионов, четыреста пятнадцать тысяч, девятьсот двадцать шесть, — уточнил отец Ателинг.

— Как ни прячутся безумцы, подобные крабьим клешням опасные люди, стоящие на мостах, — неожиданно произнес нараспев отец Селани. Как всегда, смысл его изречений мог открыться лишь после длительных мифологических и фольклорных изысканий. Бесполезно было также просить его дать разъяснения; такие фразы просто приходили к нему, и он понимал их не больше, чем слушатели. «Если Бог и в самом деле умер, —

мелькнуло в голове отца Доменико, — кто же внушает их теперь?» Но он отбросил эту мысль как совершенно бесполезную.

— Огромные силы зла сосредоточились сейчас на другом конце света, — сообщил отец Учелло. — Я чувствую сильное угнетение — не такое, как обычно исходило от Нью-Йорка или Москвы, — но как будто собрались сразу много демонов. Извините, братья, я не в силах сказать более определенно.

— Мы знаем, что вы делаете все, что в ваших силах, — мягко сказал настоятель.

— Я тоже чувствую их, — заявил отец Монтейн, который, хотя и не был видящим, однако имел некоторый опыт общения с мятежными духами. — Но даже если нам не придется бороться со столь огромным количеством, как я всей душой надеюсь, мне кажется, что и сорок восемь — слишком большое для нас число. Расторжение Соглашения не оставляет нам даже выбора.

Отец Доменико заметил, что Джоаннес пытается привлечь внимание настоятеля, однако слишком робко, чтобы произвести какое-нибудь впечатление. Отец Умберто еще не привык воспринимать Джоаннеса всерьез. Поймав взгляд юноши, отец Доменико слегка кивнул.

— Я никогда не понимал смысла Соглашения, — сказал ободренный бывший ученик. — Я не понимал, почему Господь пошел на такой компромисс. Даже в случае с Иовом Он не вступал в сделку с Сатаной, но лишь позволил ему бесконтрольно действовать некоторое время. И я ни разу не встречал в Писаниях упоминания о Соглашении. Каковы же его условия?

Отец Доменико нашел вопрос Джоаннеса достаточно серьезным, хотя и не совсем уместным, однако воцарившаяся неловкая тишина свидетельствовала, что остальные не разделяли такого мнения. Наконец молчание нарушил отец Монтейн, чье поразительное терпение стало притчей во языцех.

— Я, конечно, недостаточно сведущ в Канонических Писаниях, не говоря уже о духовных соглашениях, — начал он явно с чрезмерной скромностью, — но, насколько мне известно, Соглашение — не более чем особый случай принципа свободы воли. Ответственность человека за совершенные поступки возможна благодаря тому, что, даже имея дело с нечистой силой, он, во-первых, не может быть подвергнут искушению, которому не в силах противостоять, и, во-вторых, он не может попасть на Небеса, не подвергнув-

шись предельно сильному искушению. В случае Трансцендентальной или ритуальной магии Соглашение является разграничительной линией. Где найти его точные условия, я не знаю; сомневаюсь, что они вообще когда-либо записывались. Вспомним, как долго пытались понять радугу — то же Соглашение. Когда появилось объяснение, оно ничего не объяснило, только показало, что каждый человек видит свою собственную радугу, а явление, появляющееся на небе, — всего лишь оптическая иллюзия, но отнюдь не теоморфизм. Природа Соглашения такова, что его условия меняются в каждом индивидуальном случае, и если вы не способны определить, где она пробегает, — разграничительная линия, — тогда горе вам, но ничего тут не поделаешь.

«Господи, — подумал отец Доменико, — всю жизнь я был поклонником Роджера Бэкона, и ни разу мне не приходило в голову, почему он в своей «Перспективе» сосредоточил внимание на радуге. Будет ли у меня еще время прочитать об этом? Хорошо, что мы никогда не пытались сделать Монтейна настоятелем: мы потеряли бы его, как отца Умберто…»

— Кроме того, возможно, оно еще существует, — добавил отец Бушер. — Как уже указал отец

Доменико самому Терону Уэру, мы слышали о якобы имевшей место смерти Господа лишь из уст самого ненадежного свидетеля. К тому же это утверждение содержит множество несообразностей. Когда произошла предполагаемая смерть Бога?

Если еще во времена Ницше, почему Его ангелы и вестники света явно ничего об этом не ведали? Неразумно предполагать, будто они сохраняли видимость существования Небес, когда битва была уже проиграна; это противоречило бы самому устройству Небес. Абсолютная и бессрочная монархия должна тут же рухнуть после смерти монарха, и тем не менее мы не наблюдали никаких признаков ее крушения вплоть до кануна последнего Рождества.

— Но ведь тогда мы увидели такие знаки… — заметил отец Ванче.

— Верно, но тут возникает другой вопрос: что стало с Антихристом? Объяснение Барфомета, будто Антихрист оказался ненужным победителям, не выдерживает критики. Он должен был появиться до битвы, и, если бы Бог умер лишь недавно, Он позаботился бы о совершении пророчества, ибо тогда еще существовал.

— От Матфея, глава одиннадцатая, стих че-

тырнадцатый, — изрек Отец Селани, на сей раз достаточно вразумительно. Слова, которые он им напомнил, относились к Иоанну Крестителю: «И если хотите принять, он есть, имя которому должно прийти».

— Да, — сказал отец Доменико, — я допускаю, что Антихрист мог явиться незаметно. Мы представляли себе, что люди будут собираться под его знамена открыто, но искушение могло оказаться более изощренным и, вероятно, более опасным, если бы он проник к нам, скажем, под видом некоего популярного философа, подобно тому позитивисту в Соединенных Штатах. Однако такое предположение, кажется, оставляет еще меньше места для свободы воли, чем Соглашение.

Наступила тишина. Потом слово взял настоятель:

— Таким образом, отсюда следует, что Господь, конечно, жив, а эксперимент Терона Уэра и Третья мировая война не имеют отношения к Армагеддону. Вместо этого нам, быть может, явлено некое Земное Чистилище, благодаря которому мы обретем Благодать или даже Рай Земной. Смеем ли мы так думать?

— Мы не смеем думать иначе, — заявил отец Ванче. — Вопрос только в том, как нам действо-

вать. Хотя в Новом Завете нет прямых указаний на настоящую ситуацию, все же кажется, что учение Церкви к ней вполне применимо.

— Оставим наше традиционное монастырское уединение, — призвал отец Доменико. — Это теперь единственный путь; сойдем с нашей горы в мир, от которого мы удалились, когда Шарлемань был лишь мелким князьком, и будем трудиться и свидетельствовать. И если даже мы окажемся без помощи Христа, все равно будем делать это во имя Его. Теперь у нас нет ничего кроме надежды.

— По правде говоря, — задумчиво проговорил отец Бушер, — перемена не так уж велика. По-моему, ничего другого мы никогда и не имели.